

РОВЕСНИКИ ОКТЯБРЯ

Разговор с героями нашего и не нашего времени

Они стоят, плечом друг к другу вечно семнадцатилетние, неизменно, какими выплеснул их в мир гениальный порыв творца.

Вот они... Вот аристократический бреттер Григорий Александрович Печорин, он брезгливо сторонится от утирающего горькие слезы Ваньки Жукова, надменно кривляясь, бормочет им что-то на ухо подросток Аркадий Долгорукий и учтиво спрашивает его Печорин: «Долгорукий? Князь?» — «Нет, просто». — «А, просто» — презрительно цедит Печорин и отворачивается, чтобы побеседовать на вечную тему о «вечной скуке» с прищипанным гимназистом Володей.

И чудится, из дальнего угла книжного шкафа желчно звучит голос Михаила Юрьевича Лермонтова:

«Герой нашего времени, милостивые государи мои, точно портрет, но не одного человека — это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии».

И страстным шепотом срываются с запертых губ Чацкого ядовитые слова любви к семнадцатилетней «святейшей богородице» Софье:

«В 17 лет вы расцвели прелестью... Неподражаемо... И это вам известно, а потому скромны, не смотрите на свет...»

И снова стынут на полках молодые люди и девушки, герои не нашего времени, времени ушедшего семнадцать лет тому назад в историю, в давно прошедшие времена.

I

Нет! Герои нашего времени совсем другие. Возьмем хотя бы прошлое, «проклятое наследие прошлого», которое всегда «таютело» над очень и очень многими.

Вон Печорин, тот без прошлого шагу ступить не мог.

«Нет в мире человека, над которым прошедшее приобретало бы такую власть, как надо мной».

А Людмила Халилецкая, Жоржик Григорьев и Коля Страхов — наши семнадцатилетние комсомольцы из 5-й курской образцовой — прямо-таки смуглясы:

— Прошлое? У нас его нет: мы ведь в октябре 1917 года родились.

Предупреждаем: в биографиях этих героев нашего времени нет еще пока ничего героического: они не летали еще в стратосферу и за малолетством даже не помнят грозное фронтовое время гражданской войны, но они хорошо знают о нем, потому что у Людмилы отца-красноармейца убили в 1918 году, где-то под Путивлем, а Жоржиков отец умер в Киеве, в гарнизоне от сыпняка.

Но мы же этого не помним, — оправдываются они: нам это мама рассказывала, а гражданскую войну мы прорабатывали не уроках и читали в книгах. Эх, «Железный поток», — вот здорово!

Итак, двое из наших героев остались, как некоторые из героев прошлого времени, на «сиротском положении».

Людмила и Жоржик! Конечно, ваше детство — детство дочери чернорабочей-уборщицы и сына машинистки — советской служащей, было детством суровых лет гражданской войны и разрухи, а не «счастливым, невозвратимой порой золотого детства» сиятельного Николеньки Иртеньева, так вкусно описанного Львом Толстым.

Но не было оно и таким бесконечно жалостным и безысходно-тоскливым, как это:

«Ванька вздохнул, умокнул перо и продолжал писать».

«А вчера мне была выволочка. Хозяин выволол меня за волосы на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребятишка в люльке и по нечаянности заснул. А на неделе хозяйка велела мне почистить селедку, а я начал с хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать».

Подмастерья надо мной насмеяются, посылают в кабак за водкой и велют красть у хозяев огурцы, а хозяин бьет чем попадет. А еды нету никакой».

Утром дают хлеба, в обед каши и к вечеру тоже хлеба, а чтоб чаю или щей, то хозяйка сама трескают. А спать мне нелят в сенях, а когда ребятишек ихний плачет, я вовсе не сплю, а качаю люльку. Милый дедушка, сделай боженьку милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нету никакой возможности... Клянусь тебе в ножки и буду вечно бога молить, увези меня отсюда, а то помру».

«Приезжай, милый дедушка, — продолжал Ванька: — христом богом тебя молю, возьми меня отсюда. Пожелай ты меня, сироту несчастную, а то меня все колотят и кумать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, все плачу. А на медведи хозяин колодой по голове ударил так, что упал и насечу очухался. Пропащая моя жизнь, хуже собаки всякой».

Правда-ведь? Сапожному ученику Ивану Жукову несладко досталась сиротская доля?

Да вы и сами это знаете: читали сами у Чехова «Ваньку»? Ясно? Ну, простите, что лишний раз напомнил...

А вы, в Ваньки Жукова годы, уже давно с увлечением учились в школе, и летом весело отдыхали на приволье пионерского лагеря, сами строя себе незатейливые лагерьные домики и лукаво обжужливая захаров на лишнюю порцию вкусного второго или сладкого на обед.

А вечером — песни и дым костра и... «картошка» — просто жареная, в «мундире» и пивушечка — та самая — которая — «объеденье, пионерский идеал. Тот не знает наслаждения, кто картошки не едал».

Не обходилось, конечно, без вывертов: экспансивный и пылкий Жоржик Григорьев в один прекрасный день возмуждал кровавых и воинственных подвигам Монтигомо-Ястребиного котла и скальпов бледнолицых... Что делать — старики Майн Рид и Купер соображали...

И вот уже проданы книги, захвачена буханка хлеба и верный друг — компас, — в дальний путь, в Америку. И уже передовой отряд разведчиков — следопытов в составе двух сверстников тронулся в тяжелый путь, скандально завершив его... на вокзале в Ямской! На билет до станции «Америка» у ребят денег не хватало, а в прозаические Поныри итти пешком было все так далеко...

II

Незаметно и легконого летят молодые годы. И к 17 годам каждый уважающий себя «герой своего времени» — спешит обзавестись «идеями». Что же это были за идеи?

А вот, хотя бы одна:

«...Не я буду лезть в аристократию, а она полезет ко мне, не я буду

гоняться за женщинами, а они набегут, как вода, предлагая мне все, что может предложить женщина. «Пошлые» прибегают за деньгами, а умных привлечет любопытство к странному, гордому, закрытому и ко всему равнодушному существу. Я буду ласков и с теми и другими, я, может быть, дам им денег, но сам от них ничего не возьму. Любопытство рождает страсть, может быть, я и введу страсть. Они уйдут ни с чем, уверю вас, — только разве с подарками. Я только вдвое стану для них любопытнее».

«...С меня довольно Сего сознания».

Странно то, что этой картинкой (впрочем, верной) я прельщался еще семнадцать лет».

«...Подрастает», Ф. М. Достоевский.

Чем не «идеология»?

Как же внешне выглядел носитель такой, с позволения сказать, «идеи»? Антон Павлович Чехов, в рассказе «Володя» (правда, написанном несколько позднее) набрасывает его портрет так:

«В одно из летних воскресений, часов в пять вечера, Володя, семнадцатилетний юноша, некрасивый, болезненный и робкий, сидел в бедке на даче у Шумихиных и скучал. Его невеселые мысли текли по трем направлениям. Во-первых, на завтра, в понедельник, ему предстояло держать экзамен по математике; он знал, что, если завтра ему не удастся решить письменную задачу, то его исключат, так как сидел он в шестом классе два года и имел отметку по алгебре 2½. Во-вторых, его пребывание у Шумихиных, людей богатых и претендующих на аристократизм, причиняло постоянную боль его самолюбию».

А теперь взгляните на портреты наших героев: вон они смеются и улыбаются вам с газетной страницы. Идеи и сомнения, терзавшие истребленные интеллигентские душечки

Людмила Халилецкая

двоечников-гимназистов, — неизвестны нашим героям.

Да и что им терзаться? В нашем советском обществе они равные из равных и желанные из желанных. Их никто не третировал, не укоряет куском хлеба или скромным костюмом. Впрочем, взгляните на них: Людмила и Жора в белых воротничках и с цветистыми галстуками. Один только Коля по физкультурному распахнул ворот. Что делать: ему жарко и от погоды и от жарких своих семнадцати лет.

Людмила хочет хорошо одеваться и имеет на это полное право: этим летом, на каникулах, она служила делопроизводителем и сама, впервые в жизни, заработала себе деньги на туфли и на шубку, да и матери по-

могла. Мать не болно много зарабатывает.

— Кроме того работа развивает самостоятельность, — строго добавляет Людмила.

Их идеи — идеи здоровых комсомольцев.

Будущее представляется им так:

— До прошлого года мечты о будущем ко мне не приходили. Правильно море, матросы. А потом я понял, что морской флот устарел (это конечно, глубоко субъективное, личное мнение Жоржа, за которое ему от многих моряков не поздравится) и заинтересовался я воздушным флотом.

Мечту мою открыли День авиации в прошлом году. Прочел я рассказы Евсеева и Евдокимова о прыжках с неба на парашютах и теперь умру, а добьюсь звания летчика-парашютиста. Вы только подумайте: это же замечательно — небесным гостем спуститься на аэродром и, привычно отстегнув ремни парашюта, спокойно пойти по своим делам.

ЛЮДЕ: — Обязательно буду химичкой. Это очень интересно и нужно самой составлять новые вещества. Может быть, в жизни «чудесный сплав» открою.

КОЛЕ: — Лес. Вроде тайги или как в Канаде. Словом природа. И я — лесной инженер на лесоразработках. Я природу очень люблю и потом — я лыжник хороший, а в лесной глуши лыжи — большая вещь.

III

Но ведь они не только мечтают — сейчас они учатся и отметки у них не 2½, а «очень хорошо» и «хорошо».

И потом они комсомольцы...

— Какой у вас был самый счастливый день в жизни?

Ответ следует, не задумываясь:

— Вечер трех поколений в школе в 1932 году, когда нас передали в комсомол. Мы были счастливы и гордились.

Но Людмила печально добавляет:

— А для меня этот день стал и самым несчастным, потому, что я считалась год комсомолкой, но без документов. Все ходили из ячеек и исправлялись и до того доправлялись, что в горьком комсомоле сказали, что наши документы затеряли. Теперь надо индивидуально вступать. Обидно...

(Наша большая, октябрьская просьба к юным чиновникам из горькома: сделать этот день для Людмилы и ее подруг снова самым счастливым. Нехорошо же так: счастливый день и

вдруг — в пашке, как отношение затеряла... А. М.)

— А про самый несчастный день можно?

— Обязательно!

— У меня, — говорит Коля Страхов: — по-моему, самый несчастный день впереди, потому что скоро зима, снег, лыжи.

— Ну и что же?

— А то, что надо лыжные костюмы. Нам обещали на весь школьный физкружок дать в «Динамо». Недавно приходим — Нет — говорят. Все костюмы себе областной совет физкультуры забрал. И если они нам их не дадут (а пока что отказывают), тогда первый зимний день будет моим самым несчастным днем.

(Обращаемся и к областному совету физкультуры с просьбой: не устраивать целому физкружку «самого несчастного дня».)

— Ну, а в школе не скучно?

— Что вы! Да мы дома и не бываем, некогда. Весь день в школе, а вечером то кружок, то репетиция. Веселый нас никто не живет! Ну, до свиданья...

«До лучших дней! Перед прощаньем Помаз мне руку, ты сказал. И долго эти дни я ждал, Но был обманут ожиданьем. Мой милый! Не придут они, — В грядущем счастья так мало!».

— Неправда, тов. Лермонтов! — дружно ответили наши герои: у нас и сейчас хорошие, горячие дни, а впереди — у нас вся жизнь! Хорошая. Счастливая и, как мы, молодая.

До свидания, товарищи классики! Нам очень некогда: мы спешим в школу на репетицию, в агитбригаду к Октябрьским дням.

До свиданья!

АЛ. МОСКАЛЕВ.

МАЛЕНЬКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вы вправе спросить: — Где же героическое, необыкновенное в этих семнадцатилетних комсомольцах? Ведь они же самые обыкновенные молодые люди?

Наша эпоха героична на тысячу различных ладов, и если буржуазно-капиталистическое общество видит героизм только в необычайном, в индивидуальном порыве одиночки, то у нас вырастает новая героиня трудовых социалистических будней, героиня не одиночки, а коллектива.

В простых и бесхитростных биографиях трех наших молодых людей, ярко проходящих основные, типичные черты, общие для всего поколения, рожденного Октябрем.

Да вчитайтесь, наконец, в биографию наших подлинных, «больших» героев: — Никиты Изотова, героев-челюскинцев, стратосферцев — ведь до совершения ими героического в нашей стране поступка, или длинной цепи славных дел — их биография очень скупа и обыкновенна.

Наших героев воспитывает весь героический 150-миллионный коллектив страны, во главе со стальной партией коммунистов-большевиков и поэтому поле для их деятельности необозримо.

Наши молодые друзья — еще не герои, но они носят в себе все типичные черты и задатки, свойственные героям нашего времени.

А. М.

